

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕРНЕТА

DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.15

Правильная ссылка на статью:

Сибирев В. А., Головин Н. А., Клебанов А. А. Сетевые сообщества в борьбе вокруг решения передать Исаакиевский собор Русской православной церкви (январь—июнь 2017 года) // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 296—317. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.15.

For citation:

Sibirev V. A., Golovin N. A., Klebanov A. A. Social media communities on the controversial decision to hand over St. Isaac's Cathedral to the Russian Orthodox Church (January through June 2017 analysis). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018. № 1. P. 296—317. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.15.

В. А. Сибирев, Н. А. Головин, А. А. Клебанов СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА В БОРЬБЕ ВОКРУГ РЕШЕНИЯ ПЕРЕДАТЬ ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (ЯНВАРЬ—ИЮНЬ 2017 ГОДА)

СЕТЕВЫЕ СООБЩЕСТВА В БОРЬБЕ
ВОКРУГ РЕШЕНИЯ ПЕРЕДАТЬ ИСАА-
КИЕВСКИЙ СОБОР РУССКОЙ ПРАВО-
СЛАВНОЙ ЦЕРКВИ (ЯНВАРЬ—ИЮНЬ
2017 ГОДА)

SOCIAL MEDIA COMMUNITIES ON THE
CONTROVERSIAL DECISION TO HAND
OVER ST ISAAC'S CATHEDRAL TO THE
RUSSIAN ORTHODOX CHURCH (JANU-
ARY THROUGH JUNE 2017 ANALYSIS)

СИБИРЕВ Владимир Анатольевич — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социального анализа и математических методов в социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.
E-MAIL: v.sibirev@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-2678-7214

Vladimir A. SIBIREV¹ — Dr. Sci. (Economics), Assistant Professor
E-MAIL: v.sibirev@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-2678-7214

¹ St Petersburg State University, St Petersburg, Russia

*ГОЛОВИН Николай Александрович — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.
E-MAIL: n.golovin@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-3595-2349*

*КЛЕБАНОВ Андрей Александрович — магистр прикладной математики и информатики, генеральный директор ООО «Бинсэд», Санкт-Петербург, Россия.
E-MAIL: andrey.klebanov@beensaid.in
ORCID: 0000-0001-5241-9434*

*Nikolay A. GOLOVIN¹ — Dr. Sci. (Sociol.), Professor
E-MAIL: n.golovin@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-3595-2349*

*Andrey A. KLEBANOV² — MSc, Applied Mathematics and Computer Science; CEO
E-MAIL: andrey.klebanov@beensaid.in
ORCID: 0000-0001-5241-9434*

¹ St Petersburg State University, St Petersburg, Russia

² Beensaid LLC, St Petersburg, Russia

Аннотация. В статье на примере политической борьбы вокруг официального решения о передаче Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге (в здании которого работает музей) Русской православной церкви исследуются особенности культурно-политических общественных движений в условиях крупного города с целью определить вклад онлайн-коммуникации в их успех. Привлекается теория социальных движений в сочетании с моделью коммуникации Н. Лумана, что позволяет полнее учесть особенности мобилизации участников через интернет. Для сбора эмпирических данных о содержании сетевой политической коммуникации и о традиционных политических акциях в борьбе за и против рассматриваемого решения использована технология big data в сочетании с анкетным опросом участников сетевых групп. Раскрываются социально-структурные и общественно-политические характеристики таких групп, коммуникативные связи между ними, соотношение интенсивности онлайн-коммуникации и традиционных

Abstract. Based on political struggle around the handover of the St. Isaac's Cathedral in St. Petersburg (which functions as a museum), the authors investigate cultural and political specifics of the public movements in large cities and give an attempt to assess the impact that the online communications have on the success of those movements. Social movement theory and Luhmann concept of communication are used to provide a full analysis of participants' mobilization on the Internet. The authors use big data analysis along with questionnaire survey instrument to collect empirical data related to network political communications and traditional political activities in support for or against decisions. The study explores socio-structural and socio-political features of the groups, their connections, a relationship between online communication intensity and traditional political actions such as rallies or marching in support for (or against) political decisions. The case study helps to describe how the given cultural and political movement shapes the final decision. It is proved that the use of social media

политических акций: митингов и шествий в поддержку и против решения. На примере данного кейса показывается влияние данного культурно-политического движения на судьбу решения. Доказано, что использование социальных сетей повышает влияние протестного движения на принятие политических решений, но в российских условиях оно не представляет собой эффективную альтернативу традиционным политическим акциям.

Ключевые слова: социальные движения, протестная мобилизация, онлайн-сообщества, политическая коммуникация, гражданское общество, big data

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке ресурсного «Центра социологических и Интернет-исследований» СПбГУ, НИР № 10.52.1374.2017 и при участии ООО «Бинсэд» (www.beensaid.in) (Санкт-Петербург), государственный регистрационный номер 1147847556515, деятельность по созданию и использованию баз данных и информационных ресурсов.

Введение

В Санкт-Петербурге политика и культура тесно связаны между собой. Протестные движения часто возникают по поводу решений администрации о знаковых объектах истории, культуры, архитектуры. Так произошло в конце 2016 г., когда был опубликован Приказ Минкультуры РФ (далее — Решение) передать здание музея-памятника «Исаакиевский собор» в пользование Русской православной церкви (РПЦ).

Современные социальные движения, в том числе и протестное движение в Санкт-Петербурге по поводу Решения, невозможно оценить без взвешенного учета значимости их онлайн-коммуникации, связанной с их политическими акциями. В социологии уже обсуждается данная проблема. Часть авторов считают, что при использовании новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) социальные движения как субъект политики существенно не меняются. Интернет как техническое средство коммуникации повышает организованность офлайн-акций и содействует их успеху за счет так называемой e-mobilization — цифровой мобилизации. Другие полагают, что изменяется сама модель органи-

increases the influence of protest movement on decision-making but in Russia this is not an alternative to traditional political protest.

Keywords: social movements, protest mobilization, online communities, political communication, civil society

Acknowledgment. The paper is supported by the 'Center for Sociological and Internet Research' at the St. Petersburg State University (NIR no. 10.52.1374.2017) and the Beensaid LLC (www.beensaid.in) (state registration number 1147847556515).

зации общественных движений. Возникают «e-movement» (интернет-движения), бытующие только в виртуальном пространстве. Наше исследование протестных акций вокруг Решения способствует оценке значимости обеих точек зрения на названную проблему исследования движений в российских общественно-политических условиях.

Целью исследования является оценка значимости использования новых коммуникативных возможностей интернета участниками борьбы вокруг Решения о передаче Исаакиевского собора в пользование РПЦ.

Памятник культуры Исаакиевский собор в Санкт-Петербурге выполняет две функции: с 1928 г. — музейную и после 1992 г. — восстановленную религиозную (богослужения в здании собора).

Федеральный закон «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения...» предусматривает безвозмездную передачу в собственность или в пользование религиозным организациям государственного или муниципального имущества религиозного назначения. На его основе 23 декабря 2016 г. Министерство культуры РФ издало Приказ о передаче собора РПЦ, а 30 декабря 2016 г. Администрация Санкт-Петербурга утвердила план мероприятий по исполнению Решения Минкульта, приняв Распоряжение № 160-р. 10 января 2017 г. губернатор Санкт-Петербурга обнародовал его в СМИ, что вызвало широкий общественный резонанс. «Решение влечет за собой ликвидацию одного из самых успешных музеев России», — заявил Президиум Творческого союза музейных работников Санкт-Петербурга и Ленобласти (12 января 2017 г.). Его поддержали Санкт-Петербургский союз ученых и директор Государственного Эрмитажа — президент Союза музеев России.

17 декабря 2017 г. Святейший Патриарх Московский и всея Руси заявил, что после возвращения собора музейная деятельность, ремонтные и реставрационные работы в нем продолжатся, вход в храм будет свободным, но «сохранится плата за экскурсионное обслуживание, за осмотр города с колоннады Исаакиевского собора». Святейший Владыка отметил, что Решение не должно быть «причиной для политических протестных выступлений», но разделил противников Решения на доброжелателей и недоброжелателей, то есть по нравственному критерию, что усилило поляризацию заинтересованной общественности по данному вопросу.

В начале 2017 г. были созданы семь сетевых сообществ в социальной сети «ВКонтакте» «за» и «против» Решения, два ранее существовавших на базе музея и собора включились в обсуждение Решения в сети и не только. Были устроены публичные встречи с депутатами, а в марте и мае 2017 г. в городе прошли шествия и митинги против Решения. По большей части негативная реакция общественности на Решение дошла до своего адресата — органов власти страны и города.

27 января 2017 г. общественные активисты обратились в районный суд с коллективным иском о признании недействительным Распоряжения № 160-р. Суд отказал в удовлетворении жалобы (доводы суда здесь опущены), 2 марта 2017 г. городской суд рассмотрел апелляцию и оставил определение районного суда без изменения. Затем была подана жалоба в Конституционный суд РФ (КС РФ), который проверил законодательную норму, являющуюся основанием Решения о передаче собора РПЦ, и в определении от 18 июля 2017 г. подтвердил ее конституционность. Согласно

особому мнению судьи КС РФ Ю. М. Данилова, суды первой и второй инстанции допустили отступление от требований всестороннего, полного и объективного исследования всех обстоятельств дела. Это поставило КС РФ перед необходимостью высказать суждения и сделать выводы — за пределами своей компетенции в отношении нормативных актов, не входящих в предмет рассматриваемого дела, то есть высказаться по содержанию судебного рассмотрения конфликта.

Из определения КС РФ от 11 мая 2017 г. стало известно, что губернатор Санкт-Петербурга сообщил депутатам Законодательного собрания города о том, что по состоянию на 3 марта «проводится анализ публикаций в средствах массовой информации, массовых публичных выступлений, письменных обращений граждан и депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга в органы государственной власти Санкт-Петербурга и Российской Федерации для учета мнения жителей по вопросу передачи здания Исаакиевского собора в безвозмездное пользование РПЦ»¹.

Во время «Прямой линии» 15 июня 2017 г. президент РФ В. В. Путин заявил, что «...нужно деполитизировать эту проблему, забыть о том, что она существует как таковая, с уважением относиться и к религиозным чувствам людей и не забывать, что это здание и сооружение строилось как церковь, а не как музей. Но музейная функция там, конечно, должна сохраниться»².

Решение о передаче собора РПЦ законно, но меняет сложившееся сочетание музейной и религиозной функций памятника культуры, затрагивает интересы музейного сообщества, РПЦ, культурные практики граждан, нравственные ценности общества. Именно поэтому изучение данного кейса представляет собой большой культурно-политический интерес.

Выбор теоретических рамок. Ниже используется теория общественных движений в сочетании с теорией социальной коммуникации Н. Лумана. Лумановская теория коммуникации позволяет исчерпывающе объяснить структуру социальной коммуникации: не только ее техническую составляющую (перенос информации), но и смысловую: понимание на стороне получателя, его присоединение к дальнейшей коммуникации (движению) либо неприсоединение (несогласие). Это свойство коммуникации и соответствующий тезис Лумана об избирательности коммуникации на стороне отправителя и на стороне получателя постоянно имеется в виду в данном исследовании [Луман, 2000: 43–54].

Эвристичным и довольно близким такому сочетанию вышеуказанных теоретических положений является использование культурно-антропологического подхода, в рамках которого общественные движения рассматриваются как часть публичной коммуникации. Их политические практики, читаемые «как сообщения... имеют «коммуникативное задание», то есть направлены на донесение информации до адресата», что не вызывает сомнений [Архипова и др. 2017: 86]. Соответственно, политическая офлайн-акция трактуется как событие и как коммуникативное сообщение [Архипова и др., 2018], однако коммуникативная цепочка не рассматривается авторами до конца, то есть не анализируется реакция получа-

¹ URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71627018/#ixzz57II6Lo8y> (дата обращения: 17.02.2018).

² URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54790> (дата обращения: 17.02.2018).

теля (власти). Основное внимание уделено отправителю (движению), в том числе и его реакции на себя как коммуникативное сообщение. В нашем исследовании реакция власти известна, задокументирована и учтена.

В связи с развитием технологий Web 2.0 в интернете (с 2004 г.) возникают новые исследовательские вопросы относительно социальных движений: об изменении способов мобилизации участников, формах организации движений, их внутренней коммуникации, об использовании новых ресурсов, в том числе интернета.

Вслед за Ф. Нульмайером и Й. Рашке мы исходим из того, что социальное движение является «мобилизирующим коллективным действующим лицом, которое с известной степенью непрерывности, на основе высокой символической интеграции и малой ролевой дифференциации, посредством изменяющихся форм организации и деятельности преследует цель провести в жизнь, избежать или обратить вспять основополагающие общественные изменения» [Нульмайер, Рашке, 1990: 15]. В этом определении отражены существенные черты движений, но следует учесть и стремительную смену коммуникативных основ общества. Общественные движения становятся сетевыми феноменами, соединяющими множество акторов (индивидов, групп, организаций), участвующих в политическом или культурном конфликте (см. напр.: [Diani, 1992]). Акторы независимы и участвуют в движении со своим социально-политическим и географическим контекстом, целями и ценностями. Они связаны различными формами сотрудничества и взаимного признания; границы движения выходят за пределы отдельных протестных акций, кампаний или организаций. В связи с этим в социологии активно обсуждается проблема интернет-движений, которые возникают в коммуникативном пространстве интернета и становятся реальным фактором общественной жизни. По данному вопросу сформировались два подхода.

Первый сводится к тому, что политика не меняется по существу, а использование интернета — лишь новый важный дополнительный ресурс движений [Margolis, Resnik, 2000]. Значимость такого подхода снижается вместе с утратой традиционными СМИ своей роли в общественной коммуникации. *Второй* учитывает культурные и технологические изменения. ИКТ открывают возможность участия для «небольших политических групп, которые не могут себе позволить на равных конкурировать, используя обычные ресурсы и информационные каналы влияния» [Сморгунов, 2014: 23]. Мобилизация и организация социальных движений меняются, все движения становятся сетевыми [Hara, Huang, 2011: 2]. Сетевая деятельность, по мнению Дж. Ёрл и К. Кимпорт, варьируется в рамках между «e-mobilization» и «e-movement» [Earl, Kimport, 2011].

С точки зрения первого подхода движения используют социальные сети прежде всего для рекрутирования новых участников. С позиции второго подхода **все** политические акции движения происходят онлайн (например, сбор подписей под сетевой петицией, организация бойкотов и другие) [Theocharis et al., 2015]. Эмпирические исследования не дают однозначного ответа на вопрос о том, какой подход более эффективен. С одной стороны, участники офлайн-действий сами по себе отличаются от тех, кто участвует в движении через онлайн-сообщества,

но активисты и лидеры движений занимают более высокое положение и в сетевых группах [Koltsova, Selivanova, 2015: 20]. Поэтому мы обратились к работам, обобщающим теорию вопроса.

Немецкая исследовательница Х. Шаде приходит к выводу о том, что движения при использовании ИКТ в своей основе остаются теми же, что и до появления и использования новых ИКТ, и оснований для понятия «новейшие социальные движения» пока недостаточно. Тем не менее следует учитывать ослабление связей между участниками в онлайн-группе по сравнению с реальной группой, в которой политическая деятельность подкрепляется доверием, сложившимся на неформальной основе. Эту особенность Шаде обозначает термином «сетевые квазигруппы» [Schade, 2017: 58—60].

В обобщении научных публикаций о движениях П. В. Колозариди и А. А. Ульданов также отмечают, что пока нельзя говорить о сущностной трансформации движений из-за развития новых ИКТ, но подчеркивают, что появление интернета «существенно для их развития» [Колозариди, Ульданов, 2015: 106].

Таким образом, принятое определение социального движения остается актуальным, но есть достаточное основание дополнить его признаком использования движением разнообразных способов и форм коммуникации, новых ИКТ, значимым для успеха движений.

Методы исследования. Для мониторинга и анализа содержания материалов сетевой коммуникации участников движений использовались автоматизированные методы сбора коммуникативных сообщений программой для мониторинга контента социальных сетей. Они были верифицированы с помощью онлайн-опроса пользователей сети. Без такого сочетания методов сбора и интерпретации данных повышаются риски исследовательских неточностей и даже грубых ошибок в оценке собранной информации.

Сбор данных был проведен с 9 марта 2017 г. по 4 мая 2017 г. в крупнейшей российской социальной сети «ВКонтакте». После проверки на спам прежде всего определялась тональность сообщений машинным классификатором сообщений SVM (Support Vector Machine) [Рубцова, 2015], заранее обученным на общедоступных текстах коммуникативных сообщений по данной теме. Было собрано 4161 единиц анализа (записей на стенах сообществ и пользователей).

Из всего массива коммуникации мы выделили девять сетевых сообществ, которые сформировались в ходе конфликта вокруг Решения, либо были созданы ранее при музее или соборе. Данные об их коммуникативных структурах собирались через API (Application Programming Interface). Для визуализации связей внутри и между сетевыми группами использовалась интерактивная платформа визуализации и исследования для всех видов компьютерных сетей Gephi³ (The Open Graph Viz Platform). Затем в сетевых сообществах с помощью их модераторов был проведен анкетный онлайн-опрос 465 респондентов. Результаты анализа данных о коммуникации сетевых групп и их интерпретации сопоставлялись с результатами анкетирования. При этом учитывался опыт исследования графов «дружбы» и коммуникативной активности сетевых сообществ Центра

³ URL: <https://gephi.org> (дата обращения: 17.02.2018).

социологических и Интернет-исследований СПбГУ и другой многообразный исследовательский опыт — в частности, выявление внутренней «социальной структуры» сетевых групп во «ВКонтакте» [Рыков, Кольцова, Мейлахс, 2016; Gruzd, Tsyganova, 2015; Гурин, 2016], описание взаимосвязей между группами [Суслов, 2016].

Мониторинг социальной сети выявил в целом негативное отношение ответственности города к Решению. Одновременно собирались фактические данные о политических акциях участников конфликта. Так, в городе прошли митинги против Решения (офлайн-акции), в которых участвовало по разным данным до 5 тыс. человек. Перед ними наблюдалось повышение коммуникативной активности в социальных сетях в связи с обсуждением Решения, в том числе во «ВКонтакте» (см. рис. 1, табл. 1). На рисунке заметна связь во времени между сетевой коммуникативной активностью и политическими акциями по поводу Решения. Видны три «пика» — резкие повышения тональности сообщений одновременно с митингом на Марсовом поле в защиту культурных ценностей Петербурга, в том числе сложившейся практики двухфункционального использования собора (18 марта 2017 г.); поддержкой решения о проведении городского референдума по статусу собора Горизбиркомом (28 марта 2017 г.) (не состоялся); шествием единой градозащитной колонны по Невскому проспекту и митингом на Марсовом поле (1 мая 2017 г.).

Рисунок 1. Коммуникативная активность пользователей социальной сети «ВКонтакте» и публичные акции в связи с Решением о передаче Исаакиевского собора РПЦ (9.03.2017—4.05.2017)

Сообщения о событиях вокруг Решения публиковались как от лица отдельных пользователей, так и от лица сообществ — количество и тех, и тех примерно одинаково. Однако сообщение на странице сообщества имеет совсем другую аудиторию, чем на личной странице пользователя. Для оценки влияния этого различия для каждого сообщения рассчитывается коэффициент охвата, ха-

рактизирующий реакцию аудитории на отдельное сообщение (просмотры, лайки, комментарии и репосты). Чем выше это значение, тем больше пользователей ознакомились с сообщением. В нашем случае использовался эвристический подход (см.: [Щекотуров, 2016]. Из таблицы 2 следует, что сообщение на стене сообщества примерно в 60 раз влиятельнее сообщения на страничке пользователя, что не означает согласия получателя со смыслом сообщения и его поддержку (об этом, по Н. Луману, принимается положительное или отрицательное решение).

Таблица 1. **Публичные акции и тональность сообщений в связи с Решением о передаче Исаакиевского собора РПЦ (9.03.2017—4.05.2017), %**

Акции	Период	Негативная тональность	Позитивная тональность
Митинг на Марсовом поле в защиту культурных ценностей Санкт-Петербурга (18.03.2017)	12.03.2017— 18.03.2017	20,4	4,2
Публикация Горизбиркомом решения о проведении городского референдума по статусу собора (28.03.2017)	16.03.2017— 18.03.2017	15,2	7,9
Шествие единой оппозиционной градозащитной колонны по Невскому проспекту и митинг на Марсовом поле (1.05.2017)	29.04.2017— 1.05.2017	13,6	4,4

Таблица 2. **Оценка степени достижимости получателя сообщением во «ВКонтакте»**

Автор	Число сообщений	Общий охват получателей одним сообщением	Средний охват одним сообщением
Пользователь	1989	53 161	26,7
Сообщество	2172	3 465 808	1595,7
Итого	4161	3 518 969	845,7

Судя по коммуникативным сообщениям, структура предпочтений, характеризующая потоки коммуникации вокруг Решения, с учетом статистической погрешности оказалась следующей. Негативное отношение к Решению выражено в 17 % сообщений пользователей, позитивное — в 7 %, нейтральное — в 66 %, неопределенное — в 10 %. Для сообществ эти показатели составляют 17 %, 6 %, 62 % и 15 %, соответственно (см. рис. 2).

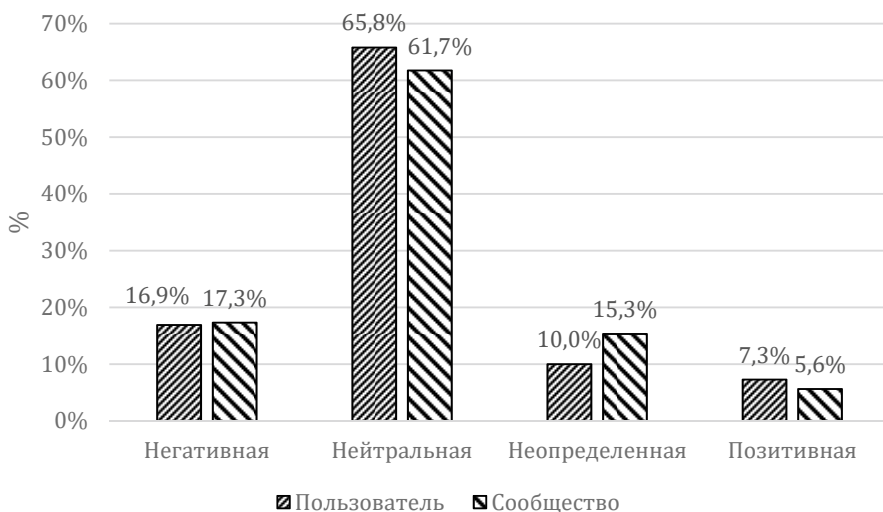

Рисунок 2. Структура тональности коммуникативных сообщений пользователей социальной сети «ВКонтакте» и сетевых групп

Оказалось, что социально-демографические характеристики поддерживающих Решение и не одобряющих его практически не различаются. Гендерная принадлежность и возраст несущественны. Следовательно, речь идет лишь о проявлении мировоззренческих различий, связанных с пониманием отношений церкви и общества.

Широкая география участников, выразивших свое отношение к Решению, отражает значимость этой проблемы для всей страны (для всего рунета). Большинство дискуссионщиков живет в России (94%), 3,9% — в пределах бывшего СССР, из них 2% — на Украине (с 15 мая 2017 г. «ВКонтакте» и некоторые другие российские интернет-сайты там заблокированы), 0,9% — в Беларуси. Остальные пользователи дислоцированы в странах дальнего зарубежья, больше всего в Израиле. Структура тональности коммуникаций участников, а значит и их отношение к Решению в целом, мало различается по регионам, но все-таки чем дальше от России, тем она более нейтральная.

В пределах России активнее всего участвовали в обсуждении жители крупных городов, в первую очередь Санкт-Петербурга (60,5%). Из Москвы было 11,7% участников, из других городов — 27,8%. Это говорит о том, что обсуждаемая проблема оказалась скорее локальной, несмотря на отмеченный выше резонанс в регионах страны и за ее пределами. В Санкт-Петербурге и Москве преобладает негативное отношение к Решению, остальная Россия более толерантна. Интересно, что доля поддержки Решения жителями других городов почти такая же, как в Санкт-Петербурге (7—8%), и выше, чем в Москве.

Сетевые сообщества и их коммуникация. Социальные сети сыграли важную роль в ходе конфликта. По данным нашего интернет-опроса, 47% респондентов из 465 опрошенных участников сообществ во «ВКонтакте» указали, что впервые узнали о Решении через социальные сети, 18% — из новостных сайтов и 13% —

из сетевых газет (таким образом, 78% информации участники опроса получают из новых электронных СМИ). От так называемых значимых других (коллеги, друзья, родственники, члены семьи) узнали о Решении лишь 8% опрошенных. Остальные 14% — из телепередач и других традиционных СМИ.

В ходе конфликта вокруг Решения в сети «ВКонтакте» (и в других социальных сетях) были созданы семь сообществ поддержки реализации Решения либо против него, еще два были созданы ранее и политизировались в отношении Решения (см. табл. 3).

Таблица 3. *Старые и новые сообщества в сети «ВКонтакте», связанные с музейной и религиозной функциями собора и Решением*

№ п/п	Название сетевых групп, их ориентация	Количество участников*
<i>А. Сетевые сообщества за передачу собора РПЦ</i>		
	Религиозной направленности	
1	Исаакиевский собор — православный храм	менее 600
2	Возвращение Исаакиевского собора церкви	380
3	За передачу Исаакиевского собора православным	более 90
4	Приход Исаакиевского собора	более 900
<i>Б. Сетевые сообщества против передачи собора РПЦ, за сохранение сложившегося сочетания музейной и религиозной функций</i>		
	Сетевая группа работников музея	
5	Музей-памятник «Исаакиевский Собор»**	более 4000
	Религиозной направленности	
6	Православные — за Исаакий как собор и музей!	более 230
	Градозащитные движения, творческая интеллигенция	
7	Комитет защиты Петербурга. Защитим Культурную столицу от «провинциализации» и «декультуризации»***	более 1000
	Системная оппозиция, представленная в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга	
8	Защитим Исаакиевский собор	более 7000
	Внесистемная оппозиция и постоянно протестующие интернет-активисты	
9	Сохраним Исаакиевский собор	более 7000

Примечание. Группы с количеством участников менее 20 не учитывались.

* На октябрь 2017 г.

** В ходе конфликта она стала неофициальной и независимой группой работников музея.

*** Статус этого сообщества двойственный. По названию это градозащитное движение, а по сути его деятельность координируется системной оппозицией. Во время конфликта сообщество называлось «Марш в защиту Петербурга» и занималось организацией соответствующих протестных акций. В рамках анализируемого периода их было две: 18 марта и 1 мая 2017 г.

До возникновения конфликта были два сосуществующих сетевых сообщества, связанных с деятельностью собора. Во-первых, «Музей-памятник «Исаакиевский собор»» — официальная страница музея, в ходе конфликта она стала неофициальной и независимой группой музея⁴. Другая группа — «Приход Исаакиевского собора». Конфликт радикализировал их на противников и сторонников передачи собора РПЦ. Из таблицы 3 видно, что в ходе конфликта из семи новых сетевых групп три выступили в поддержку Решения с общим числом участников немногим более 1000 и, соответственно, четыре группы из 13400 участников — против Решения.

Сторонники Решения — православные активисты — создали сетевые сообщества «Исаакиевский собор — православный храм», «Возвращение Исаакиевского собора церкви», «За передачу Исаакиевского собора православным».

При этом сообщество «Возвращение Исаакиевского собора церкви», связанное с Фондом возрождения христианских ценностей «Священная Лига Святого Георгия», созданное в 2016 г., потребовало возвращения Собора РПЦ еще до официального Решения. После обнародования Решения в 2017 г. его сетевая активность резко снизилась. Вероятно, наиболее активная часть данной группы перешла в другие православные группы, выступающие за реализацию Решения.

Было создано и сетевое сообщество верующих, выступающих за сохранение статус-кво (музей и храм) «Православные — за Исаакий как собор и музей!», поэтому было бы заблуждением интерпретировать конфликт как противостояние православных верующих и атеистов. По данным онлайн-опроса участников протестных сообществ, доля верующих составляет 37,5%, при том что 16,6% не стали отвечать на соответствующий вопрос.

Противники Решения создали две сетевые группы, выступающие за сохранение музея-памятника: «Защитим Исаакиевский Собор» и «Сохраним Исаакиевский Собор». Их названия близки по смыслу, но доля их общих участников составляет лишь 17%, что означает, что они представляют собой разные движения против Решения.

Сетевое сообщество «Сохраним Исаакиевский Собор» ориентировано на оппозиционера А. Навального, его сетевым координатором выступает выпускник факультета социологии СПбГУ сотрудник Фонда борьбы с коррупцией Ф. Горожанко.

На рисунке 3 видно, что в процессе конфликта группа «Защитим...» коммуникативно всегда была на порядок активнее, чем сообщество «Сохраним...». Пик активности последней приходится на начало 2017 г. Максимальное число лайков в день здесь достигло 4500. Этому способствовал, в частности, сбор подписей под сетевой петицией #ИсаакийГороду. После этого активность резко снизилась.

Сообщество «Защитим Исаакиевский Собор» поддерживает системную оппозицию, представленную в Законодательном Собрании Санкт-Петербурга депутатами М. Резником и Б. Вишневым от партии «Яблоко», руководителями «Комитета защиты Петербурга». Для них Решение о передаче Собора РПЦ — «провинциализм» и «декультуризация» города на Неве. Позицию движения хорошо иллюстрирует рассуждение на стене сообщества: «Я человек верующий, но абсолютно вне цер-

⁴ В ноябре 2017 г. основана официальная группа, на которую есть ссылка с сайта музея. См. ГБУК ГМП «Исаакиевский собор». Официальная группа. URL: https://vk.com/isaac_cathedral (дата обращения: 17.02.2018).

кви... В России то место, которое раньше занимала партия со своими парткомами, занимает РПЦ — абсолютно идеологическая организация... Храм стоит красивый такой посреди Питера, на черныльницу похож, деньги собирает — давайте-ка мы его «ам!» Но это не церковь, а музей — почитайте историю. А наша церковь не будет водить экскурсии — это вам не Ватикан»⁵.

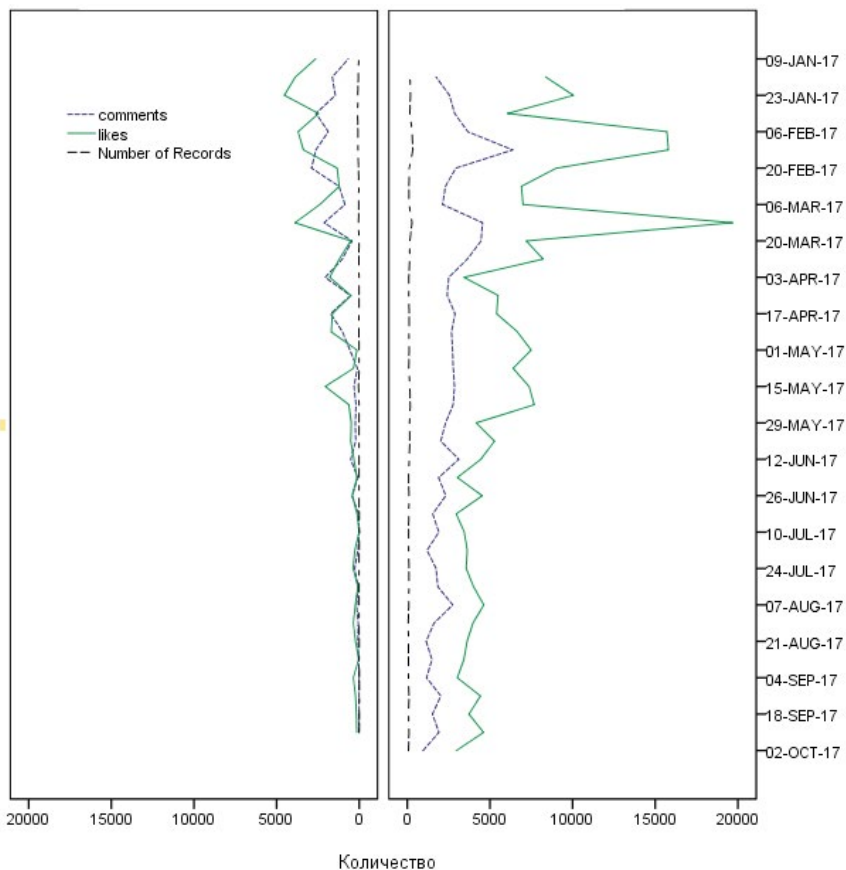

Рисунок 3. Коммуникативная активность сообществ «Сохраним Исаакиевский собор» (слева) и «Защитим Исаакиевский собор»

Судя по содержанию общедоступных материалов, данное сообщество активно участвовало в организации практически всех офлайн-акций против Решения: встреч с депутатами в защиту Исаакиевского собора 28 января и 12 февраля 2017 г., маршей в защиту города 18 марта и 1 мая 2017 г. и экскурсии в собор как музей в День города 27 мая 2017 г. (см. рис. 4). Для мобилизации участников

⁵ URL: https://vk.com/wall-137842480_14195.

использовались сообщества-мероприятия в «ВКонтакте». Главным координатором протестной деятельности в данном случае был член Политсовета городского отделения Партии народной свободы (Парнас) В. Суходольский.

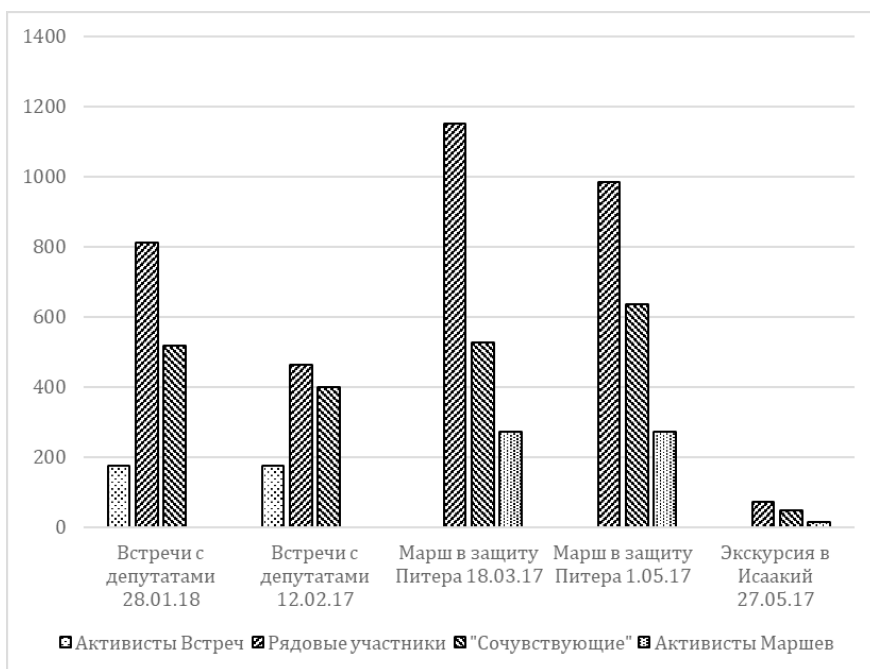

Рисунок 4. Протестные офлайн-акции сетевого общества «Защитим Исаакиевский собор»

Анализ коммуникативной активности во «ВКонтакте» позволяет оценить примерное соотношение активистов, простых участников движений и сочувствующих. К активистам относятся те, кто обязательно участвуют в офлайн-акциях, рядовые участники движения могут в них участвовать, но необязательно, остальные участвуют нерегулярно, они — сочувствующие. Участники офлайн-акций могут иметь два статуса: обязательно участвующие либо вероятно участвующие. Первые мы считаем рядовыми участниками, вторых — сочувствующими. Активисты — те, кто планирует участие практически во всех акциях и помогает организовать их. Мы выделили активистов встреч и активистов маршей. Первые записались на обе встречи с депутатами (на самом деле это были митинги при участии депутатов, что не требовало официального разрешения). Вторые зарегистрировались на оба марша. Динамика сетевой офлайн-готовности участвовать в них приведена на рисунке 4. Видно, как падала протестная активность. Встречи переросли в марши, ставшие апофеозом протестных акций. Протесты закончились символической экскурсией в День города 27 мая в храм, после того как процесс передачи Собора РПЦ был приостановлен.

Из анализа коммуникативного поведения обоих сетевых сообществ — противников Решения следует, что группа «Защитим Исаакиевский собор» более спло-

ченная и организованная, чем группа «Сохраним Исаакиевский собор». Еще одно подтверждение тому — визуализация соответствующего им общего графа «дружбы» и определение показателей, характеризующих «тесноту» связей (см. табл. 4 и рис. 5). Доля изолянтов (членов групп, не попавших в сеть) в первом сообществе на треть меньше, среднее число друзей в два раза больше, чем во втором, плотность «связей» выше, средняя длина цепочки «дружбы» короче, соответственно, диаметр графа меньше и т. д.

Таблица 4. **Обобщенные характеристики графов «дружбы» двух протестных сообществ**

Характеристики сплоченности	«Защитим...»	«Сохраним...»
Доля изолянтов, не имеющих друзей	19,4%	31,5%
Среднее количество связей на одного участника группы	7,536	3,258
Плотность графа	0,001	0,000
Диаметр графа (максимальный кратчайший путь между любыми двумя вершинами)	14	19
Средняя длина пути между участниками	4,286	5,418
Средний коэффициент кластеризации (вероятности связи между вершинами АС, при наличии АВ и ВС — друг моего друга — мой друг).	0,313	0,281

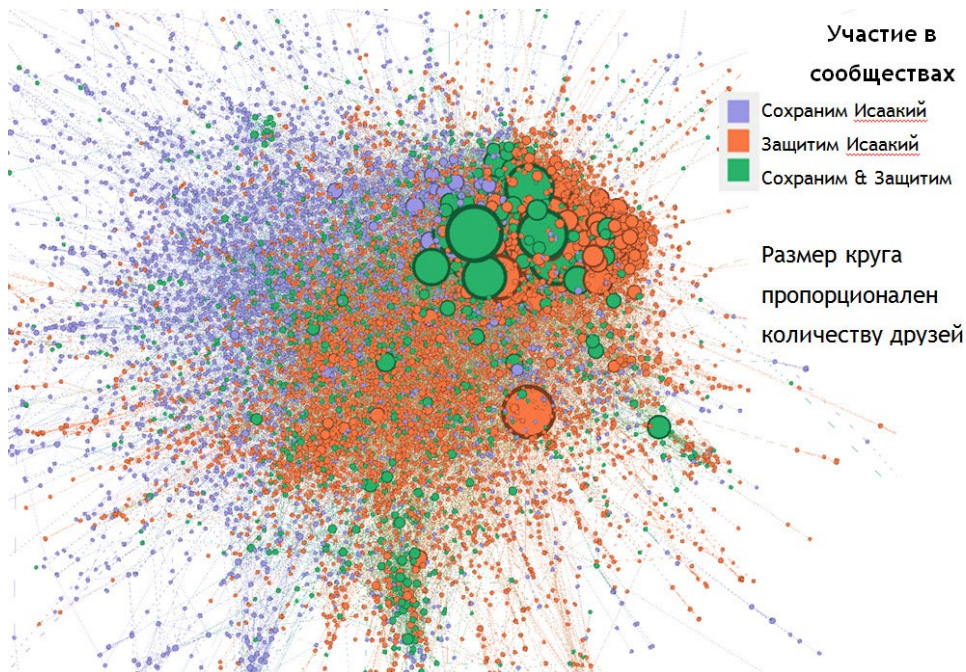

Рисунок 5. Совместный граф дружбы сообществ «Защитим Исаакиевский собор» и «Сохраним Исаакиевский собор»

На рисунке 5 видна структура взаимоотношений обоих сообществ. Наиболее активные участники группы «Сохраним...» входят в ядро сообщества «Защитим...». Соответственно, ядро сообщества «Защитим...» — скопление узлов оранжевого и зеленого цвета. Сетевая структура «Сохраним...» не отличается высокой плотностью. На долю «оранжевых» приходится 41,1% всех связей в общем графе, а на «синих» — 15,9%.

В какой-то степени оба сетевых сообщества взаимодействуют с сообществом «Музей-памятник «Исаакиевский собор»» (3,5% участников обоих протестных сообществ входят в группу «Музей-памятник «Исаакиевский собор»»: 7% из сообщества «Защитим Исаакиевский Собор», более 5% — из группы «Сохраним Исаакиевский собор»). Их позицию иллюстрирует типичный пост: «А куда 400 работников музея пойдут? На улицу? На биржу труда? Им «позволяют» остаться... а есть они что будут? За квартиру чем платить? Или до, после работы и в обеденное время они будут с протянутой рукой на паперти стоять? А если им будут платить зарплату, то откуда деньги? Из бюджета тянуть? Не надо ломать то, что и так хорошо. Вам не дают молиться? Чего вам не хватает, православные вы наши?»

Взаимосвязи между сторонниками и противниками Решения изучались на основе анализа общих участников сообществ. Это позволяет визуализировать их в двухмерном пространстве относительно друг друга, определить, насколько дифференцированы их связи, а также выявить значимость отдельных сообществ в этой совокупности групп. Графическая визуализация контактов между рассматриваемыми сообществами и результаты выделения их внутренней структуры методом модуляции приведена на рисунке 6. Сообщества являются узлами графа, а ребра — связями между ними, в качестве веса ребер выступает количество общих участников (см. [Суслов, 2016])⁶.

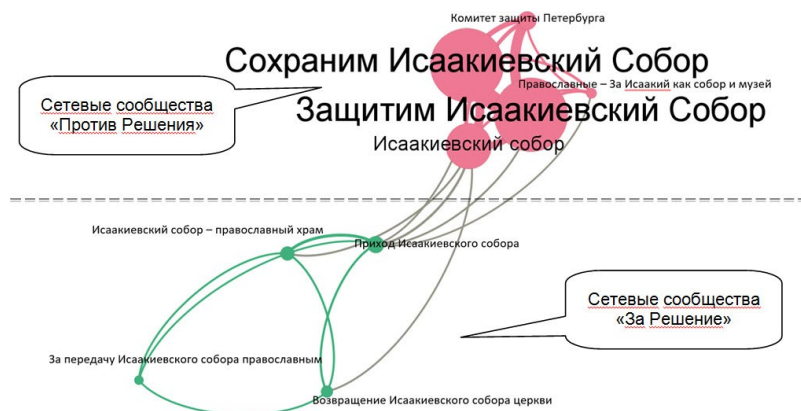

Рисунок 6. Граф взаимодействия сетевых сообществ — основных участников конфликта вокруг Решения. Обозначения: розовый цвет — кластер противников Решения; зеленый — его сторонников. Диаметр узла и высота шрифта в наименовании сообществ пропорциональны числу участников сообщества; толщина ребра — общему количеству участников в сообществах

⁶ Иногда за веса ребер принимают разные бинарные «меры согласия», но общепризнанного показателя в статистике не выработано. Часто используют коэффициенты Жаккарда и Серенсена. В этом случае при визуализации толщина ребер будет отражать сильные и слабые связи.

На рисунке 6 видны две совокупности групп: 1) за сохранение обеих функций собора: музейной и религиозной («розовые» сообщества) и 2) за реализацию Решения («зеленые» сообщества). Последние малочисленны, плотность их внутренних коммуникативных контактов низка. Следовательно, далеко не все православные поддерживают Решение — знак напряжения в отношениях РПЦ и верующей части населения. Обнаруживаются тесные контакты трех сообществ — противников Решения, тяготение независимой и неофициальной группы музея к наиболее организованному сообществу «Защитим...», за которым стоит неформальный «Комитет защиты Петербурга». Он, судя по содержанию сетевых сообщений, активно организовывал все протестные офлайн-акции в городе.

Сетевые сторонники Решения в целом оказались менее активны, более разобщены, чем их противники. Но и они использовали возможности социальных сетей для выражения своей позиции. Они полагают, что «храм должен принадлежать верующим». Они организовали несколько взаимодействующих сетевых групп, пытались организовывать акции в поддержку Решения, но без особого успеха и резонанса.

Интересна компромиссная позиция православных горожан из сетевого сообщества «Православные за Исаакий как собор и музей», которую иллюстрирует следующее послание: «Противопоставление культуры и Церкви — от лукавого. Сотрудничество светских специалистов и клира в Исаакиевском соборе должно продолжаться. Управление «телом» собора должно оставаться в руках музейного ведомства. Это — в интересах православия, в интересах сохранения петербургской церковной культуры. Исаакий — храм Божий и одновременно памятник православных культуры и искусства. Так и должно оставаться. А нам нужен... новый, эффективный, продуманный договор между музеем, который должен по-прежнему опекал здание собора — и нашей епархией»⁷.

Заключительные замечания. За исключением статей А. А. Носикова с соавторами, посвященных анализу начала конфликта вокруг Исаакиевского собора, нам практически не с чем критически сопоставить изложенные выше результаты, тем более что А. А. Носиков и соавторы не полностью раскрывают методику сбора и анализа big data [Носиков и др., 2017: 65—81]. Их кластеризация приводит к выделению семи групп-противников Решения, но ведь есть и его влиятельные сторонники, оставшиеся без рассмотрения.

Данный кейс с Исаакиевским собором проясняет механизм принятия решений, а также уровень взаимодействия государства и общества. Решение о передаче собора РПЦ было формально законным, но с точки зрения общественности оно социально и экономически нецелесообразно, ухудшает сложившийся культурный ландшафт города. Об этом можно судить не только на основе анализа экспертных мнений, но и по изложенным выше результатам мониторинга групп в социальной сети «ВКонтакте», связанных с политико-культурными движениями, вызванными Решением.

Исследование подтвердило уместность использования понятия сетевых квазигрупп сторонников и противников Решения. Анализ коммуникативных структур пользователей и сетевых сообществ показывает, что что даже специально со-

⁷ Сообщение в сети «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/club138881494> (дата обращения: 17.02.2018).

зданные сетевые группы не сформировали новых политических идентичностей и интересов. Интерфейс такой группы в социальной сети — техническое средство фокусировки коммуникативных потоков. Оно играет роль усилителя коммуникации, облегчает лишь начальную стадию движений в разворачивании конфликта.

РПЦ, которая инициировала Решение, обратившись в Министерство культуры с заявлением, особой активности в ходе обсуждения Решения не проявила. В результате городская представительная и исполнительная власть оказалась один на один с недовольной общественностью и понесла значительные репутационные издержки. Следует отметить, что городская администрация в данном случае принимала только распорядительные решения, не вела информационной подготовки в социальных сетях, то есть в целом слабо использовала новые возможности для информационной поддержки своих управленческих решений. Именно о дефиците диалога власти и общественности говорил в своем интервью телеканалу «Россия 24» министр культуры РФ⁸.

Заинтересованная часть общественности, напротив, эффективно использовала коммуникативные преимущества социальных сетей, составляющих конкуренцию традиционным СМИ. На эти обращения откликнулась широкая аудитория культурной столицы. Возникло культурно-политическое движение, организация которого существенно упростилась благодаря интернету. Ему удалось приостановить исполнение решения Министерства культуры РФ, однако приказ Министерства о передаче собора РПЦ не отменен. Губернатор города постоянно подчеркивает, что Решение правомочно, что «вопрос является для него решенным»⁹.

Участники движений и сетевые группы придерживаются разных мнений о перспективах Решения в будущем. На наш прямой вопрос в интернет-опросе: «Как Вы думаете, передадут ли в будущем собор в безвозмездное пользование РПЦ?» — ответили утвердительно 28 %, отрицательно 22 % и 50 % усомнились в этом. Следовательно, можно ожидать новой волны споров и общественных движений за и против Решения и заранее готовить более чувствительный социологический инструментарий для ее исследования.

Данный случай влияния общественных движений на исполнение Решения Минкультуры РФ по передаче знакового архитектурного и культурного объекта — Исаакиевского собора в Санкт-Петербурге РПЦ показателен. Он продемонстрировал, что использование коммуникативных возможностей интернета заметно повышает влияние социальных движений, в данном случае на местную (и не только!) политику.

В исследуемом случае РПЦ и городская власть прибегали к традиционным способам продвижения Решения в общественность. В отличие от них общественность активно использовала социальные сети. В этом контексте сетевое общество «Сохраним Исаакиевский собор» — не более чем «e-movement», в отличие от «Защитим Исаакиевский собор», которое активно использовало и традиционные (митинги и шествия), и сетевые методы в целях блокирования нежела-

⁸ Действующие лица с Наилей Аскер-заде. В. Мединский — Россия 24. 26'27"–27'13". URL: <https://www.youtube.com/watch?v=WuxG197V0HQ> (дата обращения: 17.02.2018).

⁹ Интервью губернатора Санкт-Петербурга Г. Полтавченко «Новой газете», 28.09.2017.

тельных изменений в существующем общественном порядке, то есть является «e-mobilization».

Так, одним из основных направлений деятельности интернет-сообщества «Сохраним Исаакиевский собор» была сетевая петиция «#ИсаакийГороду»¹⁰, под которой было собрано 36700 подписей — типичное «e-movement», деятельность которого ограничивается пространством интернета. Для обществ Запада это традиционная гражданская инициатива, которая имеет определенные политические последствия. Власть, как правило, будет реагировать на них.

Существуют специальные платформы для онлайн-петиций и гражданских кампаний типа Change.org. Сегодня она работает на 11 языках в 196 странах мира и объединяет более 100 млн пользователей. Там есть и русскоязычный сегмент, но никакой юридической силы сетевые петиции не имеют, на них могут обратить внимание СМИ и привлечь к ним внимание властей, но это их ни к чему не обязывает. Исключение составляет интернет-ресурс «Российская общественная инициатива» (РОИ), созданный во исполнение указа Президента РФ от 4.3.2013 № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами РФ с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива»», но в данном случае он использован не был.

Причина заключается в следующем. Проведение сетевой петиции «#ИсаакийГороду» через данную официальную платформу как региональной инициативы требует авторизации всех участников, что уменьшает желание участвовать в сборе подписей под петицией. Кроме того, чтобы региональная инициатива получила официальный ход, необходимо собрать не менее 100 тыс. голосов. За петицию «#ИсаакийГороду» было собрано меньше половины необходимого количества подписей. (Другие петиции иных движений, в том числе успешные, нами не рассмотрены и поэтому данный вывод не претендует на универсальность).

При таких обстоятельствах сетевая петиция «#ИсаакийГороду» для власти не более чем «шум», а количество ее подписантов — всего лишь технический показатель. Однако шествия и митинги, организованные сетевым сообществом «Защитим Исаакиевский собор», — выражение реального недовольства части горожан. В результате организаторских усилий оппозиционных петербургских политических лидеров различные группы местного сообщества консолидировались вокруг данной общественно-политической проблемы, и определенные интересы общественности получили публичное выражение в протестных акциях горожан, которые вышли на улицы с тем, чтобы повлиять на управленческое решение.

Анализ данного кейса показал, что одной сетевой коммуникации недостаточно для обеспечения успеха социального движения. В России интернет скорее способен мультиплицировать недовольство и усилить процесс политической консолидации участников движения, нежели внести решающий вклад в успех движения. Без отстаивания своих интересов с помощью офлайн-акций в диалоге гражданского общества и власти успеха движения ожидать трудно.

Продолжая изучать данную проблематику, не следует забывать замечание французского исследователя движений А. Турена [Турен, 1998] о том, что слишком

¹⁰ URL: <https://sobor.gorozhanko.ru> (дата обращения: 17.02.2018).

интенсивная «социологическая интервенция» в движение грозит исследователю целиком и полностью погрузиться в свой беспокойный объект, оставив занятия социологией.

Список литературы (References)

Война как праздник, праздник как война: перформативная коммеморация Дня Победы / Архипова А. С., Доронин Д. Ю., Кирзюк А. А., Радченко Д. А., Соколова А. Д., Титков А. С., Югай Е. Ф. // Антропологический форум. 2017. № 33. С. 84—122.
Arhipova A. S., Doronin D. Ju., Kirzjuk A. A., Radchenko D. A., Sokolova A. D., Titkov A. S., Jugaj E. F. War as a holiday, a holiday as a war: performative commemoration of the Victory Day. Anthropological forum. No. 33. P. 84—122. (In Russ.)

«Пересборка митинга»: Интернет в протесте и протест в интернете / Архипова А. С., Радченко Д. А., Титков А. С., Козлова И. В., Югай Е. Ф., Белянин С. В., Гаврилова М. В. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 1. С. 12—35. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.02.
Arkipova A. S., Radchenko D. A., Titkov A. S., Kozlova I. V., Yugai E. F., Belyanin S. V., Gavrilo M. V. (2018) «Rally rebuild»: Internet in protest and protest on the Internet. Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes. No. 1. P. 12—35. DOI: 10.14515/monitoring.2018.1.02. (In Russ.)

Гурин К. Е. Структурирование сетей дружбы в онлайн-сообществах СМИ // Дискуссия. 2016. № 6 (69). С. 64—71.
Gurin K. E. (2016) Friendship networks structuring of mass media online communities. Discussion. No 6 (69). P. 64—71. (In Russ.)

Колозариди П. В., Ульданов А. А. Интернет и общественные движения: анализ развития тематики в базах SCIEDIRECT и Scopus // Социологический журнал. 2015. Т. 21. № 3. С. 105—128.
Kolozaridi P. V., Ul'danov A. A. (2015) Internet and social movements: analysis of topic development in sciencedirect and scopus databases. Sociological Journal (Sotsiologicheskij Zhurnal). Vol. 21. No. 3. P. 105—128. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2015.21.3.2380>.

Луман Н. Невероятность коммуникации // Проблемы теоретической социологии. Вып 3. Отв. ред. А. О. Бороноев. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. С. 43—54.
Luhmann N. (2000) The Improbability of Communication. In: Problems of theoretical sociology. Issue 3. Ex. Ed.: A. O. Boronoev. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. P. 43—54. (In Russ.)

Протест против передачи Исаакиевского собора Русской Православной Церкви: сетевой анализ и динамика конфликта на этапе его становления / Носиков А. А., Турыгин Ф. В., Мыскин Е. Б., Пелин А. А. // Бюллетень Центра этнорелигиозных исследований. 2017. Т. 1. № 1. С. 65—81.
Nosikov A. A., Turygin F. V., Myskin E. B., Pelin A. A. (2017) Protest against the transfer of St. Isaac's Cathedral of the Russian Orthodox Church: network analysis and the

dynamics of the conflict at the stage of its formation // *Bulletin of the Center for Ethnoreligious Studies*. 2017. Vol. 1. No. 1. P. 65—81. (In Russ.)

Нульмайер Ф., Рашке П. Социальные движения // *Общественные науки за рубежом*. Сер. 4. Государство и право. 1990. № 6. С. 14—20.

Nullmayer F., Raschke P. (1990) Social movements. *Social Sciences Abroad*. Ser. 4. State and law. No. 6. P. 14—20. (In Russ.)

Рубцова Ю. В. Построение корпуса текстов для настройки тонового классификатора // *Программные продукты и системы*. 2015. № 1. С. 72—78.

Rubtsova Yu. V. (2015) Constructing a corpus for sentiment classification training. *Programmnye produkty i sistemy (Software & Systems)*. No. 1. P. 72—78.] (In Russ.)

Рыков Ю. Г., Кольцова Е. Ю., Мейлахс П. А. Структура и функции онлайн-сообществ: сетевая картография ВИЧ-релевантных групп в социальной сети «ВКонтакте» // *Социологические исследования*. 2016. № 8. С. 30—42.

Rykov Ju. G., Kol'cova E. Ju., Mejlahs P. A. (2016) Structure and Functions of Online Communities Network Mapping of HIV-relevant groups in VK.com SNS. *Sociological Studies*. No 8. P. 30—42. (In Russ.)

Сморгунов Л. В. Сетевые политические партии // *Полис. Политические исследования*. 2014. № 4. С. 21—37. <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.04.03>.

Smorgunov L. V. (2014) Network political parties. *Polis. Political Studies*. No. 4. P. 21—37. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.04.03>.

Суслов С. И. Кластеры петербургских политических онлайн-сообществ в «ВКонтакте» // *Вестник СПбГУ. Серия 12*. 2016. № 4. С. 69—86.

Suslov S. I. (2016) Saint-petersburg's political online communities clusters in «VKontakte». *Vestnik of Saint Petersburg University*. Ser. 12. No. 4. P. 69—86. (In Russ.)

Турен А. Возвращение человека действующего = Le retour de l'acteur : Очерк социологии. М. : Научный мир, 1998.

Turen A. (1998) Return of the person acting = Le retour de l'acteur: Essay on sociology. Moscow. Scientific world. (In Russ.)

Щекотуров А. В. Индекс восприимчивости контента виртуального сообщества // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2016. № 1. С. 297—312. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.14>.

Schekoturov A. V. Sensivity index of virtual community content. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2016. № 1. P. 297—312. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.1.14>. (In Russ.)

Diani M. (1992) The concept of social movement. *The Sociological Review*. No. 4. P. 1—25. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.1992.tb02943.x>.

Earl J., Kimport K. Digitally (2011) Enabled Social Change: Activism in the Internet Age. Cambridge, MA: MIT Press.

Gruzd A., Tsyganova K. (2015) Information Wars and Online Activism During the 2013/2014 Crisis in Ukraine: Examining the Social Structures of Pro- and Anti-Maidan Groups. *Policy & Internet*. Vol. 7. No 2. P. 121—158. <https://doi.org/10.1002/poi3.91>.

Hara N., Huang B.-Y. (2011) Online social movements. *Annual Review of Information Science and Technology*. Vol. 45. 1. P. 489—522. <https://doi.org/10.1002/aris.2011.1440450117>.

Koltsova O., Selivanova G. (2015) Are Online and Offline Participation in a Social Movement related? The case of Observers for Fair Elections. Working papers by NRU Higher School of Economics. Series SOC «Sociology». WP BRP 67/SOC/015.

Margolis M., Resnick D. (2000) *Politics as Usual: The Cyberspace «Revolution»*. Thousand Oaks, CA: Sage.

Schade H. (2017) *Soziale Bewegungen in der Mediengesellschaft. Kommunikation als Schlüsselkonzept einer Rahmentheorie sozialer Bewegungen*. Wiesbaden: Springer-Verlag.

Schade H. (2017) Social movements in the media society. Communication as the key concept of a frame theory of social movements. Wiesbaden: Springer-Verlag. (In Germ.)

Theocharis Y., Lowe W., Deth J. W., García-Albacete G. (2015) Using Twitter to mobilize protest action: online mobilization patterns and action repertoires in the Occupy Wall Street, Indignados, and Aganaktismenoi movements. *Information, Communication & Society*. Vol. 18. 2. P. 202—220. <https://doi.org/10.1080/1369118X.2014.948035>.